

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А

города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 172

28 июля 2026 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием заявителя К., ее представителя – адвоката Г. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов; удостоверение адвоката № ..., выдано Главным Управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Москве 21 ноября 2016 года; Ордер от 10 июня 2026 года ... № ..., выдан Коллегией адвокатов города Москвы «Д.»), адвоката Л., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобам К. от 24 марта 2026 года (вх. № ... от ...) и от 14 апреля 2026 года (вх. № ... от 29.04.2026) в отношении адвоката Л. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 10 июня 2026 года вынесла заключение:

1) о нарушении адвокатом Л. пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката; адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему), выразившемся в том, что, приняв 18 марта 2026 года поручение на оказание доверителю К. юридической помощи в уголовном судопроизводстве и получив информацию о планируемом в указанную дату обыске в помещениях, занимаемых ООО «Я.» по адресу: ..., он в ту же дату прибыл по указанному адресу и совершил действия, направленные на вывоз документов и компьютерной техники, имеющих отношение к деятельности К., из вышеуказанных помещений, с целью предотвращения их изъятия в ходе предстоящего обыска, ухудшив тем самым положение своего доверителя К. вследствие укрепления подозрения

сотрудников правоохранительных органов в совершении ею противоправных действий;

2) о ненадлежащем, вопреки предписаниям абз. 2 пп. 2 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат не вправе принимать от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение в случаях, если он имеет самостоятельный интерес по предмету соглашения с доверителем, отличный от интереса данного лица; адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему), исполнении адвокатом Л. своих профессиональных обязанностей перед доверителем К., выразившемся в том, что:

– адвокат Л. вступил в уголовное дело № ..., находящееся в производстве следственной группы СО по городу К. СУ СК РФ по В. области, в качестве защитника доверителя К. в условиях наличия у него в данном деле собственного интереса в предотвращении личных негативных правовых последствий, связанных с установлением сотрудниками правоохранительных органов его причастности к сокрытию компьютерной техники и документов во избежание их изъятия в ходе обыска в ООО «Я.»;

– адвокат Л. склонил К. к даче ухудшающих ее положение показаний по обстоятельствам совершенных противоправных действий в ходе ее допросов по вышеуказанному уголовному в качестве подозреваемой 18 марта 2026 года, а затем и в качестве обвиняемой 19 марта 2026 года;

3) о ненадлежащем, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (разумно, добросовестно, квалифицированно и принципиально отстаивать (защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем; соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу), исполнении адвокатом Л. своих профессиональных обязанностей перед доверителем К., выразившемся в оказании ей в период времени с 18 марта 2026 года по 24 марта 2026 года юридической помощи в виде осуществления ее защиты по находящемуся в производстве следственной группы СО по городу К. СУ СК РФ по В. области уголовному делу № ..., в отсутствие предусмотренных законом оснований для ее оказания (без соглашения об оказании юридической помощи К., заключенного в простой письменной форме с соблюдением требований ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», и без устного соглашения об оказании юридической помощи, а лишь с устного согласия доверителя К.);

4) о нарушении адвокатом Л. пп. 5 п. 4 ст. 6, пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 2, 3 ст. 6, пп. 4 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката; соблюдение профессиональной тайны является безусловным приоритетом деятельности адвоката; срок хранения тайны не ограничен во времени; адвокат не может быть освобожден от обязанности хранить профессиональную тайну никем, кроме доверителя; согласие доверителя на прекращение действия адвокатской тайны должно быть выражено в письменной форме в присутствии адвоката в условиях, исключающих воздействие на доверителя со стороны адвоката и третьих лиц; адвокат не вправе разглашать без согласия доверителя сведения, сообщенные им адвокату в связи с оказанием ему юридической помощи, и использовать их в своих интересах или в интересах третьих лиц), выразившемся в направлении им 21 марта 2026 года в отсутствие предварительного письменного согласия доверителя К. копии протокола ее допроса в качестве обвиняемой от 19 марта 2026 года по находящемуся в производстве следственной группы СО по городу К. СУ СК РФ по В. области уголовному делу № ..., составляющего адвокатскую тайну указанного доверителя, на электронные почтовые ящики <...> (получатель «Я.») и <...> (получатель «...»), находящиеся в пользовании третьих лиц;

5) о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Л. по жалобам К. от 24 марта 2026 года (вх. № ... от ...) и от 14 апреля 2026 года (вх. № ... от ...), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

От адвоката Л. в Адвокатскую палату города Москвы поступили письменные возражения на заключение Квалификационной комиссии (вх. № ... от ...), в которых он указал, что соглашается с выводами Комиссии об оказании им правовой помощи К. без соглашения и просит учесть, что данное нарушение явилось следствием активного развития событий на начальном этапе его участия в уголовном деле и отсутствия технической возможности для составления соглашения. Что касается обвинения, связанного с вывозом им из офиса документов и системных блоков, относящихся к деятельности К., в которых могла содержаться информация, способная нанести ущерб интересам его доверителя, поясняет, что это была превентивная мера для обеспечения дальнейшей работы компании ООО «Я.», являющейся поставщиком по ранее заключенным государственным контрактам в сфере гособоронзаказа. Считает, что в ходе осуществления защиты адвокат, в первую очередь, должен добиваться, безусловно в рамках закона, практических результатов. Вывезенные им документы и техника потенциально могли содержать такие доказательства и информацию, которые в случае их обнаружения правоохранительными органами

позволили бы увеличить объем обвинения его подзащитной или затруднили бы защите получение положительного результата.

Вместе с тем, выразил несогласие с выводами Комиссии о наличии его собственного интереса в уголовном деле К. и о том, что он должен был устраниваться от оказания ей юридической помощи. Считает, что такой подход делает адвокатов полностью беззащитными против любого произвола правоохранительных органов. Отмечает, что Комиссия в тоже время не усмотрела доказательств его сговора с сотрудниками правоохранительных органов, направленного против интересов К.

Подчеркивает, что не склонял доверителя К. к даче ложных показаний, тем более – к самооговору; ее решение сотрудничать со следствием принималось самостоятельно и после их неоднократного обсуждения ситуации. Окончательное решение всегда оставалось за К. Также не согласен, что данные К. показания ухудшили ее положение. Напротив, его предложение о переквалификации и освобождении К. от ответственности вызвали одобрение следователя, а впоследствии и его начальника. По результатам обсуждения с К. состоявшегося разговора со следователем ею и было принято решение о сотрудничестве.

На передачу по электронной почте протокола допроса К. ее мужу Р.К. он получил ее устное согласие. Учитывая возникшие для Р. К., а также для директора компании Я. риски привлечения к уголовной ответственности, он планировал встречаться с ними и их адвокатами с целью согласования позиции и подготовки показаний, что было в интересах всех названных лиц, в том числе и самой К., поскольку они совместно вели этот бизнес. Ему это было достоверно известно, поскольку он много лет сотрудничал с этой компанией.

Указывает также, что тот факт, что К. выразила намерение о сотрудничестве, в связи с чем по ходатайству следователя ей была изменена мера пресечения на домашний арест, по его мнению, подтверждает ее показания о передаче денежных средств А. При этом, по его сведениям, директор компании Я. по уголовному делу не допрашивался, и намерений выстраивать позицию в ущерб интересам К. у него не имеется. Более того, оплата услуг новых адвокатов К. была произведена Я. со счета ООО «Я.».

В заседании Совета адвокат Л. подтвердил своевременное получение заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии частично не согласился, поддержав свои письменные возражения. Признал, что не проявил настойчивости в заключении письменного соглашения. Отметил, что следователь не отвел его от участия в деле в связи с выносом документов и техники, и оснований для самоотвода он тоже не видел тогда и не видит сейчас. Никакого личного интереса, тем более отличного от интересов К., а тем более – противоречащего ему, он не имел.

Отвечая на вопросы членов Совета, подтвердил, что около 10 лет работал с компанией ООО «Я.», но не постоянно, а при возникновении конкретных вопросов либо у самой компании, либо у ее владельцев и руководителей. В этом случае заключались отдельные соглашения об

оказании юридической помощи. Пояснил, что выиграл все судебные дела, которые вел в интересах компании «Я.», а когда участвовал в доследственных проверках, то ни одна из них не завершилась возбуждением уголовного дела. Подтвердил, что 18 марта 2026 года утром он вместе с директором компании «Я.» Я., зная, что к ним направляется оперативная группа для производства обыска, вынес из офиса компании технику и документы. У них были опасения, что при обыске «вычистят» весь офис, и работа компания будет парализована. Инициатором выноса документов он не был, но и не возражал против этого. Кроме того, он лично вынес из офиса персональный телефон К., который впоследствии передал ее мужу, и считает это положительным результатом с точки зрения обеспечения ее интересов. Дальнейшие пояснения по этому вопросу он бы не хотел давать. Он принимал участие в обыске в офисе компании «Я.» в качестве представителя этой организации на основании подписанного с ней соглашения, и в то же время в ходе обыска предъявил следователю ордер на защиту К. Пояснил, что действовал исключительно в интересах своего доверителя, и полагает, что если такие действия совершены до появления в офисе работников правоохранительных органов, то в этом случае нарушений закона и профессиональной этики они не образуют. Делая такое утверждение, он ссылается на практику Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, но конкретно какие-либо разъяснения или аналогичные дела назвать не может. Вместе с тем, признал, что нарушение требований п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката все-таки было. В момент, когда были в машине обнаружены документы и техника, следователь действительно высказал намерение выделить материалы по поводу хищения вещественных доказательств, но через несколько минут на его вопрос о возможном его отводе сказал: «Нет, давайте поработаем».

Заявитель К. в заседании Совета подтвердила своевременное получение заключения Квалификационной комиссии и ознакомление с ним, с выводами Комиссии согласилась.

Отвечая на вопросы членов Совета, подтвердила, что отношения с мужем Р. К. (как личные, и деловые) у нее нормальные, бесконфликтные. Разгласить позицию следствия по поводу квалификации ее действий и ее позиции по делу на данный момент она не может, но обвинение по ч. 4 ст. 159 УК РФ осталось. Хочет уточнить, что благодаря показаниям, которые она дала при участии адвоката Л., к ООО «Я.» предъявлены дополнительные претензии по статье 19.28 КоАП РФ, и это грозит компании штрафом в размере 100 миллионов рублей, если суд признает, что в интересах компании были совершены коррупционные действия. Адвокат Л. действительно склонил ее дать показания, не соответствующие действительности, а составленные с участием адвоката Л. и оперативного сотрудника (в том числе и в части подробностей передачи денежных средств А.). Адвокат Л. сказал ей, что если она дает такие показания, то поедет домой. На ее вопрос, уверен ли он, что ее показания должны быть именно такими, адвокат Л. сказал: «Да». При этом он пояснил, что оперативники хотят, чтобы в них

фигурировала сумма переданных А. денег – 70 миллионов рублей. Вынос документов ухудшил отношение к ней со стороны сотрудников правоохранительных органов, которые заявили, что теперь будут с ней разговаривать «по-другому». Считает, что вследствие этого ее задержали и поместили в СИЗО, и ей, помимо ст. 159 УК РФ, грозит и другая статья – 291 УК РФ. Но сейчас этого обвинения нет. Ее самооговор был выгоден адвокату Л., а она только пострадала от этого. Кроме того, ей известно, что генеральный директор Я., имея ее показания, полученные от адвоката Л., дал показания против нее. В основу решения суда о заключении ее под стражу были положены такие основания, как возможность повлиять на свидетелей и уничтожить доказательства. Пояснить основания изменения ей меры пресечения отказалась. Все свои телефоны и пароли от них дала следствию, ничего компрометирующего в них не было (в том числе, в том телефоне, который вынес Л.). Просила прекратить статус адвоката Л., поскольку от его недобросовестных действий пострадала она и могут пострадать другие люди.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, признает фактические обстоятельства правильно и полно установленными Квалификационной комиссией, однако считает необходимым существенно скорректировать ее выводы о наличии в профессиональном поведении адвоката Л. дисциплинарных нарушений и их квалификации, как описано ниже.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

16 марта 2026 года в 16.00 час. старшим следователем СО по г. Ковров СУ СК РФ по В. области Р. вынесено постановление о возбуждении уголовного дела № ... по признакам ч. 4 ст. 159 УК РФ в отношении А. и К., где указано, что 16 марта 2026 года в СО по городу К. СУ СК РФ по В. области по постановлению начальника УФСБ России по В. области от 16 марта 2026 года о представлении результатов оперативно-розыскной деятельности следователю поступили материалы, подтверждающие преступную деятельность А., К. и иных неустановленных лиц; в результате проверки установлено, что 11 мая 2021 года между АО «К.» и ООО «Я.» заключен договор поставки № ..., в соответствии с которым Общество обязуется поставлять заказчику радиоэлектронные компоненты согласно спецификациям; в начале 2021 года А., К. и иные неустановленные лица, вступили в преступный сговор с целью хищения денежных средств АО «К.» путем приобретения последним в ООО «Я.» комплектующих по завышенным ценам; реализуя задуманное, ООО «Я.» в лице К. предоставляло заказчику коммерческие предложения с завышенной в 2-3 раза стоимостью изделий по сравнению с другими поставщиками аналогичной продукции; в результате указанной противоправной деятельности А., К. и иных неустановленных лиц АО «К.» причинен материальный ущерб на сумму 138 171 484 рублей.

В тот же день вынесено постановление о признании АО «К.» потерпевшим и допрошен в качестве свидетеля О. - начальник отдела обеспечения покупными комплектующими изделиями Управления закупок и

логистики № ... АО «К.», который, в числе прочего, сообщил, что «с ООО «Я.» изначально была договоренность о том, что альтернативные предложения предоставляют они сами», и что «он понимал, что альтернативные предложения составлялись сотрудниками ООО «Я.» для прохождения процедуры согласования цены» в АО «К.», сделал вывод о том, что «ценник за заказ К. выставлялся с завышением на 15% для «отката» менеджеру АО «К.» и с завышением для личного обогащения», а также предположил, что «примерно раз в квартал А. ездил в город Москву, где получал наличные денежные средства в размере 15% от суммы проведенной закупки от представителя ООО «Я.» К.».

18 марта 2026 года следователем в качестве свидетеля допрошен заместитель исполнительного директора по материально-техническому снабжению АО «К.» С. показавший, что в августе-сентябре 2024 года «А. сообщил о возможности получения денежных средств от К. – руководителя фирмы ООО «Я.», и в дальнейшем А. передавал ему денежные средства в наличной форме, которые привозил из Москвы от К., а также что «именно А. являлся организатором схемы лоббирования интересов ООО «Я.» за денежное вознаграждение».

В этот же день А. задержан в качестве подозреваемого и допрошен, после чего ему предъявлено обвинение по ч. 4 ст. 159 УК РФ, вину в котором он не признал. Кроме того, 18 марта 2026 года были произведены обыски в жилище К., а затем и в помещениях, занимаемых ООО «Я.». Узнав от супруга К. – К. о производстве обыска в жилище К., а также о предстоящем обыске в офисе ООО «Я.», адвокат Л. выехал для оказания юридической помощи в указанный офис.

18 марта 2026 года между доверителем ООО «Я.» в лице генерального директора Я. и адвокатом Л. заключено соглашение об оказании юридической помощи (защиты) (далее – Соглашение от 18 марта 2026 года), согласно п. 1 которого «Адвокат по поручению Доверителя обязуется оказать юридическую помощь Доверителю в объеме и на условиях, которые будут определены сторонами в приложениях к настоящему Соглашению. Адвокат выполняет все свои обязанности при проведении следственных действий, проводимых в отношении ООО «Я.», в том числе при проведении обыска в офисном помещении ООО «Я.».

Согласно протоколу допроса свидетеля П., являющейся работником ООО «Я.», в этой организации роль юриста выполняет адвокат Л. 18 марта 2026 года около 10.16 час. он ей позвонил и сообщил, что на работу приходить не нужно, так как в офисе компании будет проходить проверка, а также что он вынесет ей документы, которые она должна положить в свою машину и привезти на работу на следующий день. Примерно через пять минут после этого звонка из бизнес-центра, где находится офис ООО «Я.», вышли адвокат Л. и Я. У них в руках была компьютерная техника и пакеты с документами. Указанные предметы они поместили в машину П., которая их не осматривала и об их содержании не была осведомлена. В тот же день в 12.55 час. П. снова позвонил адвокат Л. и сообщил, что ей необходимо

подъехать к зданию бизнес-центра, где расположен офис ООО «Я.», так как ему нужно забрать какие-то документы, лежавшие в ее машине. Она подъехала к зданию, позвонила адвокату Л., он подошел к машине и забрал из нее папку с какими-то документами, но потом положил ее обратно. Далее адвокат Л. сообщил, что за данными документами придет бухгалтер по имени А., которая примерно через пять-десять минут пришла и забрала указанные документы. П. начала уезжать с автомобильной парковки, но ее остановил оперативный сотрудник и сообщил, что ему необходимо проверить другие документы и предметы, которые остались в машине П. О производстве следственных действий в ООО «Я.» П. не было известно.

18 марта 2026 года адвокат Л. оформил Ордер от 18 марта 2026 года № ... на осуществление защиты К., на основании которого вступил в указанное уголовное дело.

В тот же день с 21.04 час. до 21.22 час. К. с участием защитника Л. была допрошена в качестве подозреваемой. Ей было объявлено, что она подозревается в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, при следующих обстоятельствах: «ООО «Я.» в лице К. предоставляло заказчику коммерческие предложения с завышенной в 2-3 раза стоимостью изделий, по сравнению с другими поставщиками аналогичной продукции. Начиная с мая 2021 года по декабрь 2024 года А., используя свое служебное положение руководителя управления закупок и логистики АО «К.», давал указания своим подчиненным подготавливать закупочную документацию предприятия для приобретения комплектующих у ООО «Я.» (заявки и спецификации) по завышенным ценам, несмотря на отсутствие потребности предприятия и остатков данных комплектующих на складе. В результате указанной противоправной деятельности А., К. и иных неустановленных лиц АО «К.» причинен материальный ущерб на сумму 138 171 484 рублей».

К. на допросе пояснила: «...С А. я знакома около 3-4 лет, точную дату знакомства я не помню. Ранее А. занимал должность руководителя отдела закупок АО «К.» <...> Хочу пояснить, что я ранее передавала денежные средства А., но в настоящее время точные даты и суммы переданных денежных средств я назвать не могу, так как мне необходимо проверить свои записи. Готова сотрудничать со следствием и заключить досудебное соглашение». Перед началом, в ходе либо по окончании допроса заявления и замечания от подозреваемой К. и ее защитника – адвоката Л. не поступили.

18 марта 2026 года в 21.30 час. следователем составлен протокол задержания подозреваемой К. Заявления и замечания от подозреваемой К. и ее защитника – адвоката Л. не поступили.

19 марта 2026 года следователем вынесено постановление о привлечении К. в качестве обвиняемой по ч. 4 ст. 159 УК РФ, о чем ей объявлено с участием ее защитника – адвоката Л. С 17.45 час. до 20.30 час. К. с участием защитника Л. была допрошена в качестве обвиняемой и показала, что вину в совершении преступления признает частично. В 2021 году она и А. «вступили в сговор, согласно которому за лоббирование интересов ООО «Я.» по поставкам продукции в АО «К.» она будет передавать А. денежные

средства в качестве вознаграждения, и в соответствии с этой договоренностью она передавала А. денежные средства в размере «от 3% до 15% от стоимости заказа», а всего за период с 2021 года по 2025 год она передала А. около 70 000 000 рублей. «Таким образом, общая сумма похищенных денежных средств у АО «К.» А. составила около 70 миллионов рублей».

20 марта 2026 года постановлением К. городского суда В. области в отношении обвиняемой К. по ходатайству следственного органа избрана мера пресечения в виде заключения под стражу на срок 01 месяц 28 дней, то есть по 15 мая 2026 года включительно. Защиту К. в судебном заседании осуществлял адвокат Л.

21 марта 2026 года адвокат Л. отправил на электронные почтовые ящики <...> (получатель «Я.») и <...> (получатель «...») электронное письмо, к которому в числе прочих файлов был приложен файл с протоколом указанного допроса обвиняемой К.

24 марта 2026 года К. проинформировала адвоката Л. об отказе от его юридической помощи и подала в отношении него жалобу в Адвокатскую палату города Москвы.

25 марта 2026 года между доверителем ООО «Я.» в лице генерального директора Я. и адвокатом Л. заключено соглашение о расторжении Соглашения от 18 марта 2026 года, согласно которому стороны определили стоимость оказанных адвокатом «услуг» в 150 000 рублей, а также указали, что претензий друг к другу не имеют.

Заявитель К. в своей жалобе выдвигает против адвоката Л. следующие дисциплинарные обвинения:

1) в совершении 18 марта 2026 года повлекших ухудшение положения доверителя К. действий, направленных на сокрытие от должностных лиц правоохранительных органов компьютерной техники и документов, связанных с деятельностью ООО «Я.» и К., с целью предотвращения их изъятия в ходе обыска в помещениях, занимаемых ООО «Я.»;

2) в осуществлении защиты К. по указанному уголовному делу в условиях наличия в деле собственного интереса, отличного от интереса доверителя К., во вступлении в связи с этим в сговор с правоохранительными органами, а также в последующем склонении К. к даче противоречащих ее интересам и ухудшающих ее положение показаний;

3) в оказании доверителю К. юридической помощи в уголовном судопроизводстве в отсутствие правовых оснований для ее оказания – соглашения об оказании юридической помощи, заключенного в простой письменной форме;

4) в передаче «третьим лицам» составляющей адвокатскую тайну информации об оказанной К. юридической помощи посредством направления им по электронной почте копий протоколов следственных действий, произведенных с участием К.

Относительно первого дисциплинарного обвинения заявитель К. пояснила, что действия адвоката Л. совершены им самостоятельно и по

собственной инициативе, без согласования с ней, что не отрицает и адвокат Л.

Согласно выписке из Единого государственного реестра юридических лиц от 20 марта 2026 года, лицом, имеющем право без доверенности действовать от имени ООО «Я.» (ОГРН ...), является генеральный директор Я., а участниками указанного Общества являются Я. с долей в размере 33,4% в уставном капитале и К. с долей 66,6% в уставном капитале.

При таких обстоятельствах факт возбуждения 16 марта 2026 года указанного уголовного дела в отношении А. и К., а также производства обыска в офисе ООО «Я.» не только затрагивали интересы данного Общества, но и свидетельствовали о наличии риска наступления негативных последствий уголовно-правового и имущественного характера для К., К. и Я., равно как и для самого адвоката Л. в силу его длительного сотрудничества с указанными юридическим и физическими лицами, а также с учетом известных правоприменительной практике злоупотреблений, приводящих к отождествлению профессиональной деятельности адвоката и деяний (совершенных или предполагаемых) его доверителей. Однако никакие из вышеуказанных рисков не означали допустимость совершения адвокатом Л. действий, направленных на сокрытие предметов и документов от правоохранительных органов. Признанные адвокатом Л. и достоверно установленные в результате дисциплинарного разбирательства его действия, выразившиеся в изъятии и вывозе документов и компьютерной техники из офиса ООО «Я.» с целью их сокрытия, являются чуждой профессиональной деятельности адвоката и профессионально-этическим требованиям внеправовой активностью, не имеющей ничего общего с оказанием юридической помощи.

Довод адвоката Л. о том, что эти действия совершены им в интересах доверителя, Совет отклоняет как несостоятельный и прямо противоречащий требованиям п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которым закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя.

При этом Совет полагает необходимым скорректировать квалификацию этих действий адвоката Л., содержащуюся в заключении Квалификационной комиссии, по следующим причинам.

Комиссия по рассматриваемому эпизоду пришла к выводу о нарушении адвокатом Л. пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку его действия ухудшили положение доверителя К. «вследствие укрепления подозрения сотрудников правоохранительных органов в совершении ею противоправных действий». Этот вывод в мотивировочной части заключения объясняется тем, что поступок адвоката Л.:

– порождал у доверителя К., явившейся свидетелем данных событий, обоснованные сомнения в его способности действовать именно в качестве

независимого советника по правовым вопросам, тем самым подорвав ее доверие к нему как к адвокату;

- ухудшил положение К., поскольку, будучи выявленным сотрудниками правоохранительных органов, дал им основание полагать, что К. организовала вывоз документов и компьютерной техники, опасаясь своего разоблачения, тем самым лишь укрепив сформировавшееся в отношении нее подозрение;

- дал повод заявителю К. утверждать в ее жалобах, что он ухудшил ее положение как лица, подвергнутого уголовному преследованию, поскольку у следствия появились основания полагать, что ей «есть, что скрывать».

Между тем в материалах дисциплинарного производства отсутствуют доказательства этих утверждений заявителя и поддержавшей ее Квалификационной комиссии. Вопреки этим утверждениям, в постановлении следователя Р. от 20 марта 2026 года о возбуждении перед судом ходатайства об избрании в отношении К. меры пресечения в виде заключения под стражу ничего не говорится о сокрытии документов и техники и о причастности к этим действиям заявителя. В постановлении суда избрание этой меры пресечения обосновывается общими стандартными формулировками без ссылок на какие-либо конкретные фактические данные.

Иные материалы дисциплинарного дела также не подтверждают причинно-следственной связи действий адвоката Л. по сокрытию техники и документов из помещения ООО «Я.» с последующими процессуальными решениями в отношении К. и не свидетельствуют об изменении субъективного отношения к ней со стороны следствия или оперативных сотрудников по этой причине.

При описанных обстоятельствах Совет, признавая рассматриваемые действия адвоката Л. безусловно недопустимыми, в то же время не усматривает оснований квалифицировать их как направленные к подрыву доверия со стороны доверителя К. и, соответственно, нарушающие п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката. Совет считает необходимым применить для квалификации рассматриваемого дисциплинарного нарушения иные нормы законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, а именно:

- пп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» («Адвокат обязан: 1) честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; 4) соблюдать кодекс профессиональной этики адвоката...»);

- п. 1 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии»);

- п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката («При осуществлении адвокатской деятельности адвокат обязан: 1) честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы

доверителя всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом»);

– п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката («Закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя. Никакие пожелания, просьбы или требования доверителя, направленные к несоблюдению закона или нарушению правил, предусмотренных настоящим Кодексом, не могут быть исполнены адвокатом»).

Учитывая изложенное, Совет приходит к выводу о нарушении адвокатом Л. при описанных обстоятельствах пп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 4, п. 1 ст. 8, п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката. Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Л. в данной части опровергнутой, а его умышленную вину в совершении дисциплинарного нарушения – установленной.

К такому же выводу Совет приходит и в отношении дисциплинарного обвинения в оказании адвокатом Л. юридической помощи К. в отсутствие соглашения об оказании юридической помощи, заключенного в простой письменной форме. В результате дисциплинарного разбирательства установлено и признано адвокатом Л., что, приступив 18 марта 2026 года к осуществлению защиты доверителя К. в уголовном судопроизводстве, он не заключил с ней или с иным лицом соглашение об оказании ей юридической помощи в письменной форме, действуя в качестве ее защитника лишь с ее устного согласия. Согласно объяснениям заявителя К., адвокат Л. не обсуждал с ней вопрос о заключении соглашения об оказании юридической помощи и не предлагал ей его заключить. Заключенное адвокатом Л. с доверителем ООО «Я.» Соглашение от 18 марта 2026 года не предусматривало оказание юридической помощи К.

Довод адвоката Л. об отсутствии технической возможности распечатать текст соглашения об оказании юридической помощи в условиях оказания юридической помощи К. в неотложном порядке Совет отклоняет как несостоятельный, поскольку адвокат Л., приступив к оказанию юридической помощи К., в течение длительного времени находился в офисе ООО «Я.», оборудованном необходимой оргтехникой.

Учитывая изложенное и соглашаясь с Квалификационной комиссией, Совет приходит к выводу о нарушении адвокатом Л. предписаний пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката при описанных обстоятельствах.

Рассматривая дисциплинарные обвинения в осуществлении адвокатом Л. защиты К. в условиях наличия в деле собственного, отличного от ее, интереса, во вступлении в сговор с сотрудниками правоохранительных органов, а также в склонении К. к даче противоречащих ее интересам и ухудшающих ее положение показаний, Совет отмечает следующее.

Квалификационная комиссия обосновала свой вывод о совершении адвокатом Л. рассматриваемых нарушений тем, что сотрудники правоохранительных органов не только выявили вышеуказанные действия адвоката Л. по сокрытию от них компьютерной техники и документов, но и осуществили процессуальную фиксацию данных обстоятельств, допросив П. в качестве свидетеля. По мнению Комиссии, адвокат Л. в связи с этим столкнулся с угрозой осуществления в отношении него обвинительной деятельности, и ситуация не исключала для него наличия рисков уголовно-правового и дисциплинарного характера. На этом основании Комиссия сочла, что *«адвокат Л. имел в данном деле собственный интерес, заключающийся в предотвращении наступления негативных правовых последствий его собственных неосмотрительных и не основанных на законе действий, тогда как интерес доверителя адвоката Л. – К., заключался в полной реализации ее права на защиту, а также иных ее процессуальных прав как подозреваемой, а затем и обвиняемой <...>. Продолжив осуществление защиты К. в сложившейся ситуации, адвокат Л. уже действовал в условиях, исключающих возможность оказания квалифицированной юридической помощи».*

Именно это зависимое состояние адвоката Л., по мнению Комиссии, привело к его «неформальным переговорам» с сотрудниками правоохранительных органов и последующему склонению К. *«к даче устраивающих сторону обвинения показаний, поскольку они содержат сведения о передаче К. незаконного вознаграждения работнику АО «К.» А. в размере «около 70 000 000 рублей», то есть выходят за пределы предъявленного К. обвинения в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ, создавая риски ухудшения ее положения за счет предъявления ей обвинения в совершении иного преступления».* Эти действия адвоката Л. и их мотивы Квалификационная комиссия признала направленными к подрыву доверия к нему, то есть нарушающими п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет не может согласиться с такими выводами Квалификационной комиссии и их обоснованием в силу следующего.

Прежде всего, Совет отмечает, что Комиссия признала отсутствие *«доказательств направленного против интересов доверителя К. умышленного сговора [адвоката Л. – Примечание Совета] с сотрудниками правоохранительных органов».* Что же касается вывода о наличии у адвоката Л. собственного интереса в деле К., отличающегося от интересов последней и тем более – противоречащего им, то он сделан Комиссией умозрительно, без ссылок на конкретные фактические обстоятельства, подтверждающие наличие у него такого интереса. Иными словами, этот вывод является ничем иным, как предположением Квалификационной комиссии о том, что такой интерес должен был возникнуть у адвоката Л. в сложившейся ситуации. Однако это предположение Комиссии, во-первых, не может быть положено в основу обвинительных выводов, а во-вторых, не подтверждается поведением адвоката Л. при производстве процессуальных действий с К., содержанием

протоколов этих процессуальных действий и опровергается объяснениями адвоката, согласно которым он не склонял К. к даче ложных показаний, а решение сотрудничать со следствием принималось ею самостоятельно после неоднократного обсуждения с ним сложившейся ситуации. Эти объяснения адвоката Л. ничем не опровергнуты.

Из протоколов допросов свидетелей О. и С. (от 16 и 18 марта 2026 года соответственно), содержание которых не могли заранее знать адвокат Л. и К., усматривается, что противоправные действия имели место, и к ним, по показаниям данных лиц, могла иметь отношение К. Сама К., допрошенная затем в качестве подозреваемой, а потом и обвиняемой, заверила своей подписью показания, не сделав к ним никаких замечаний, признав передачу денег работнику АО «К.» А. и описав обстоятельства их передачи.

При таких обстоятельствах обсуждение между адвокатом и его подзащитным вопроса о том, какие именно давать показания, и прогнозирование вариантов уголовно-правовой квалификации инкриминируемых действий представляет собой исполнение профессиональных обязанностей и относится к выработке тактики защиты, которая избирается адвокатом самостоятельно в силу его законодательно закрепленного статуса независимого профессионального советника по правовым вопросам (п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). По этой причине претензии к адвокату в части, касающейся выбранной им тактики ведения дела, не могут служить основанием для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности.

При таких обстоятельствах Совет, вопреки заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в толковании норм Кодекса профессиональной этики адвоката и правовой квалификации деяния адвоката, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в части дисциплинарных обвинений во вступлении адвоката Л. в уголовное дело в качестве защитника доверителя К. при наличии у него в данном деле собственного интереса, в склонении им К. к даче ухудшающих ее положение показаний вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

К такому же выводу Совет, вопреки заключению Квалификационной комиссии, приходит и в отношении дисциплинарного обвинения в передаче третьим лицам составляющей адвокатскую тайну информации, содержащейся в протоколе ее допроса. Несмотря на то, что факт отправки адвокатом Л. 21 марта 2026 года на электронные почтовые ящики <...> и <...> протокола допроса обвиняемой К. достоверно установлен в результате дисциплинарного разбирательства и признается самим адвокатом Л., Совет отмечает следующее. Указанное электронное письмо было адвокатом Л. супругу К. – К.Р.И. по его просьбе и, как утверждает адвокат, с предварительного устного согласия К. (хотя последняя в настоящем

дисциплинарном производстве дачу такого согласия отрицает). При этом оба вышеуказанных адреса электронной почты находятся в пользовании К., о чем адвокату Л. было достоверно известно, поскольку эти адреса использовались им ранее неоднократно для направления документов в ходе исполнения других поручений. При этом адвокат Л. подробно объяснил, почему посчитал возможным отправить имеющиеся у него материалы уголовного дела в отношении К. как К. Р.И., так и генеральному директору ООО «Я.» Я. В частности, он пояснил, что работает с этими людьми и этой организацией много лет, хорошо знает их взаимоотношения, общие интересы и общие риски (признанные также и Квалификационной комиссией, как указано выше). Муж К. – бывший сотрудник полиции, который, согласно пояснениям адвоката Л., участвует в деятельности ООО «Я.» на партнерских началах вместе с женой и директором этой компании Я., просил прислать ему показания жены для оценки общих рисков и принятия необходимых решений.

Не ставя под сомнение вывод Квалификационной комиссии о том, что *«протокол допроса вне разумных сомнений составляет адвокатскую тайну доверителя К., а потому лишь она была лицом, которое могло уполномочить адвоката Л. на ее раскрытие. При этом такое волеизъявление должно было быть предварительным и иметь письменную форму»*, Совет вместе с тем отмечает, что адвокат может быть привлечен к дисциплинарной ответственности только за нарушения, совершенные умышленно или по грубой неосторожности.

Между тем, протокол допроса обвиняемой К. был приложен в числе других документов к ходатайству следователя о заключении ее под стражу, направленному в суд. Рассмотрение этого материала производилось судом 20 марта 2026 года в открытом судебном заседании. Это означает, что указанный протокол допроса К. исследовался в судебном заседании наряду с другими материалами, в связи с чем конфиденциальность содержащихся в нем сведений была утрачена. При этом адвокат Л. переслал сканированную копию протокола днем позже – 21 марта 2026 года.

Кроме того, утверждения представителя заявителя К. – адвоката Г., как и аналогичные пояснения самой К. о том, что интересы Я. не совпадают с ее (К.) интересами, а сведения о содержании показаний К. Я. использует против нее, ничем не подтверждены.

При таких обстоятельствах Совет не усматривает в действиях адвоката Л. по пересылке копии протокола допроса обвиняемой К. ее мужу и Я. ни умысла, ни грубой неосторожности, и, вопреки заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой квалификации деяния адвоката, приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства по данному дисциплинарному обвинению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Вместе с тем, Совет считает необходимым указать адвокату Л. на то, что согласие доверителя на разглашение сведений, составляющих адвокатскую тайну, во всех случаях должно быть получено адвокатом предварительно и в письменном виде.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Л. за совершенные им дисциплинарные нарушения, Совет принимает во внимание их грубый и умышленный характер, сопряженный с игнорированием адвокатом основополагающих профессионально-этических требований и причинением вреда авторитету адвокатуры. Подобное профессиональное поведение адвоката Л. Совет признает недопустимым. Вместе с тем, Совет учитывает, что ранее адвокат Л., имеющий длительный профессиональный стаж, к дисциплинарной ответственности не привлекался, фактически признал допущенные нарушения. При таких обстоятельствах Совет предоставляет адвокату Л. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Кроме того, Совет считает необходимым указать адвокату Л. на необходимость надлежащего исполнения законодательно установленной обязанности постоянно совершенствовать профессиональные знания самостоятельно и повышать профессиональный уровень в установленном порядке, а также соблюдать Кодекс профессиональной этики и решения органов адвокатского самоуправления, принятые в пределах их компетенции (пп. 3 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату Л. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за:

1) нарушение пп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 4, п. 1 ст. 8, п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката (адвокат обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката; честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными

законодательством Российской Федерации средствами; адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии; при осуществлении адвокатской деятельности адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом; закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя, никакие пожелания, просьбы или требования доверителя, направленные к несоблюдению закона или нарушению правил, предусмотренных настоящим Кодексом, не могут быть исполнены адвокатом), выразившееся в том, что он, приняв 18 марта 2026 года поручение на оказание доверителю К. юридической помощи в уголовном судопроизводстве и получив информацию о планируемом в указанную дату обыске в помещениях, занимаемых ООО «Я.» по адресу: ..., в тот же день прибыл по указанному адресу и совершил действия, направленные на вывоз документов и компьютерной техники, имеющих отношение к деятельности К., из вышеуказанных помещений с целью предотвращения их изъятия в ходе предстоящего обыска;

2) ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (разумно, добросовестно, квалифицированно и принципиально отстаивать (защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством Российской Федерации средствами; адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем; соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу), исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем К., выразившееся в оказании ей в период времени с 18 марта 2026 года по 24 марта 2026 года юридической помощи в виде осуществления ее защиты по находящемуся в производстве следственной группы СО по городу К. СУ СК РФ по В. области уголовному делу № ... в отсутствие предусмотренных законом оснований для ее оказания (без соглашения об оказании юридической помощи К., заключенного в простой письменной форме с соблюдением требований ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», и без устного соглашения об оказании юридической помощи, а лишь с устного согласия доверителя К.).

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Л. по жалобам К. от 24 марта 2026 года (вх. № ... от ...) и от 14 апреля 2026 года (вх. № ... от ...), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм

законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков